

КОНТЕКСТУАЛИЗМ: СТАВКИ И ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

М. Г. Хорт

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Поступила в редакцию 29 сентября 2020 г.

Аннотация: целью данной статьи является рассмотрение контекстуалистского тезиса от прагматического вторжения, который призван продемонстрировать причину смещения эпистемических стандартов. Основой тезиса от прагматического вторжения является понятие эпистемической ставки. Новизна исследования заключается в рассмотрении эпистемических ставок не только в прагматическом, но и моральном отношениях. Делается вывод, что знание может зависеть от внешних для самого знания прагматических условий, а оценка издержек ошибки относительно некоторого убеждения для субъекта может иметь значение для определения, обладает ли данный субъект знанием.

Ключевые слова: контекстуализм, прагматическое вторжение, К. Де-Роуз, эпистемическая ставка, импуризм.

Abstract: the purpose of this article is to analyse «pragmatic encroachment» argument of the contextualists which demonstrate fluidity of the epistemic standards. The author consist that the «epistemic stakes» is ground of the pragmatic encroachment argument. The article concludes that knowledge may depend on pragmatic conditions external to knowledge itself, and the assessment of the costs of an error relative to a certain belief for a subject may be important for determining whether a given subject has knowledge.

Key words: contextualism, pragmatic encroachment, K. DeRose, epistemic stakes, impurism.

Современный эпистемический контекстуализм проблематизирует связь знания и действия, стремясь выявить прагматические факторы, которые способствуют смещению эпистемических стандартов. Тезис о том, что субъект обладает знанием только тогда, когда он готов действовать в соответствии с этим знанием, стал достаточно широко известен в литературе последних лет как тезис от «прагматического вторжения» («pragmatic encroachment»). Для того чтобы раскрыть смысл прагматического вторжения, а также указать на механизмы смещения эпистемических стандартов, философами был придуман ряд кейсов, центральным элементов которых является повышение или понижение «ставок» («stakes»), которые трактуются как прагматические издержки для субъекта, придерживающегося мнений или формирующего пропозициональное знание. Целью данной статьи является разъяснение тезиса от прагматического вторжения и определение понятия эпистемической ставки. Также мы намерены обратить особое внимание на то, что ставки могут быть зависимы не просто от прагматических, но и от ценностных, пре-

жде всего, моральных условий, что в недостаточной степени обсуждается эпистемологами.

Прежде чем приступить к обсуждению тезиса от прагматического вторжения, выскажем несколько замечаний относительно контекстуализма в целом. Появление данного направления в рамках аналитической традиции в эпистемологии было связано с попыткой преодолеть крайности двух радикальных подходов в анализе знания – скептицизма и релятивизма. С точки зрения контекстуализма обе программы в равной мере непродуктивны. Скептицизм устанавливает слишком высокие требования к обоснованию, что делает знание невозможным, тогда как релятивизм, напротив, снижает эпистемические стандарты, из-за чего обыденные утверждения могут считаться знанием в той же мере, что и научные высказывания. И. Т. Касавин, называя трёх исторических «отцов» указанных эпистемологических программ: Л. Витгентштейна (контекстуализм), Д. Юма (скептицизм), Дж. Мура (философия здравого смысла), – отмечает, что «современный эпистемологический контекстуализм возник, таким образом, как ответ на скептическое отрицание возможности знания мира вокруг нас и на упрощенное обоснование возможности такого знания» [1, с. 10].

Контекстуализм в аналитической традиции необходимо отличать от контекстуализма континентального. Для второго характерно внимание к социальным, культурным и историческим факторам, влияющим на формирование эпистемических стандартов, принимаемых в обществе в целом. Примером такого подхода может быть философия науки П. Фейерабенда, в рамках которой знание является концептом ценностно и идеологически наполненным, конструируемым господствующими экономическими и политическими силами с целью навязывания удобной для них картины мира. В аналитической же философии понятие контекста изначально не имело связи с конкретными социальными или историческими факторами и являлось семантической характеристикой, тем, что оказывает влияние на значение высказываний. К. ДеРоуз в своей монографии определяет аналитический контекстуализм как теорию, «согласно которой условия истинности предложений, приписывающих знание и отрицающих знание (предложения в форме “*S* знает, что *p*” и “*S* не знает, что *p*” и связанные с ними варианты таких предложений) изменяются определенным образом в соответствии с контекстом, в котором они произнесены. То, что меняется, – это эпистемический стандарт, которому *S* должен соответствовать (или, в случае отказа в знании, не соответствовать), чтобы такое утверждение было верным» [2, р. 2]. Из данного определения следует, что изучаемыми контекстами для аналитической традиции служат ситуации высказывания пропозиционального знания субъектом, а не социокультурные условия «производства» знания, являющиеся предметом изучения континентальной традиции.

В процитированном выше определении К. ДеРоуз используется понятие контекста, которое является, хотя и базовым для контекстуализ-

ма, но, как правило, используется в качестве интуитивно понятного. Наиболее общее определение можно встретить у Д. Льюиса: «Контекст есть местоположение – время, место и возможный мир – в котором предложение высказано. Он имеет бесчисленные признаки, определяемые характером местоположения» [3, р. 79]. В данном определении контекст является семантической характеристикой, способной изменить истинностное значение предложений, которые называют индексикальными. Для индексикальных предложений существенно, что они являются «контекстуально чувствительными» («contextual sensitivity»). К подобным выражениям относятся, например, такие, как «Я гражданин России», «Ивану 18 лет». Истинность данных высказываний зависит от того, кто и/или когда их произносит. Вопрос в том, является ли понятие «знание» («знать») индексикальным. А. Р. Каримов пишет: «Очевидно, что выражения “здесь”, “сейчас” и т. п. контекстуально зависимы. В то же время существуют выражения, которые, по-видимому, не зависят от контекста употребления, например, “трансформаторная будка”. Проблемными являются именно «пограничные» случаи. К таким примерам относится глагол “знать”. Отличие этого глагола от других заключается в том, что он требует пропозиционального содержания, а именно представляет собой эпистемическую модальность» [4, с. 72]. Контекстуалисты трактуют «знает» в высказываниях «S знает, что p» как индексикал и указывают, что имеются определенные обстоятельства, которые могут смещать разговорный контекст высказываний типа «S знает, что p» так, что являющееся «знает» в одном разговорном контексте, может не являться таковым в другом. Цель аналитического контекстуализма, исходя из этого, – определить обстоятельства, в результате которых происходит смещение контекста. Если таковые будут обнаружены и определены, то это позволит избежать новых «геттьеровских кейсов» и даст ответ как на скептические, так и на релятивистские вызовы в эпистемологии. Именно из указанной потребности возникает тезис от прагматического вторжения и понятие ставки, которые демонстрируют связь знания и действия.

Взаимовлияние областей практического и эпистемического обсуждается так или иначе практически всеми контекстуалистами. Среди основных авторов стоит отметить П. Унгера и К. ДеРоуз, которые связывают ассертивные нормы («norms of assertion») с прагматикой языка [5–6]. Дж. Хоторн и Дж. Стэнли предложили рассматривать знание как знание-действие [7–8]. Начиная с совместной публикации 2002 г. Дж. Фантла и М. Макграта «Доказательство, прагматика и обоснование» [9], совокупность доводов в пользу объяснения возможности смещения эпистемических стандартов благодаря связи знания и действия принято называть тезисом от прагматическом вторжения (хотя в данной публикации этот термин еще не используется). Всех указанных авторов можно назвать теоретиками прагматического вторжения, так как они стремились отойти от позиции эпистемологического пуризма – позиции,

в соответствии с которой только факторы истинности являются значимыми при определении того, знает ли S , что p . Соответственно, тех, кто придерживается противоположной точки зрения и считает, что знание зависит не только от «классических» эпистемических факторов как, например, истина, но и от прагматических условий, в которых находится субъект, называют импуристами. А. Хэннон определяет импуризм как точку зрения, в соответствии с которой «необходимый уровень обоснования частично фиксируется ситуацией практического рассуждения человека» [10, p. 611].

Прагматическое вторжение – это содержание и основной тезис импуризма. В Стэнфордской философской энциклопедии оно объясняется как утверждение, что «различие в прагматических обстоятельствах может определять различие в знании», т. е. знание чувствительно к прагматическим контекстам. Более формальное определение можно обнаружить у Фантла и Макграта: « S знает, что p , только если для S рационально действовать будто p » [9]. То есть сам факт обладания знанием p служит основанием для того, чтобы действовать в соответствии с p (если X знает, что у него аллергия на молоко, то он не пьет молоко). Кроме этого, Фантл и Макграт утверждают, что принятие тезиса от прагматического вторжения показывает, что знание, по-видимому, играет важную роль в критике и защите действий субъектов. Например, мы часто ссылаемся на отсутствие знания как на причину того, почему какое-либо действие было неуместным. Развивая эту мысль, Хоторн отмечает, что если человек продает лотерейный билет за пенни, прежде чем прийти узнать выигрышные номера, то вполне уместным будет возразить на его действие возгласом о том, что ему не следует так поступать, ведь он еще не может быть уверен в проигрыше [4].

В обычных условиях (повседневных контекстах) в большинстве случаев не важны прагматические условия, в которых мы принимаем или отвергаем то или иное знание. В повседневных контекстах важны лишь интерналистские критерии, в частности, обоснованность. Например, мы придерживаемся точки зрения, что Аристотель – ученик Платона в силу аргументов, которые нам известны из книг и лекций. Также важно, что мы можем действовать в соответствии с этим знанием. Ситуацию повседневных контекстов можно назвать игрой с низкими ставками, где субъект не несет практической ответственности в случае, если его знание окажется ошибочным. Но что произойдет, если ставки будут повышены? Например, будет предложено сыграть в игру на следующих условиях: если истинно, что Аристотель – ученик Платона, то вы получаете один рубль, а если ложно, то вас будут пытать до смерти. Ставки в данном случае таковы, что рационально будет отказаться от участия в этой игре, хотя вы имеете обоснованное убеждение, что Аристотель – ученик Платона. Уверенность в действии в соответствии с убеждением (знанием) зависима от того, что для нас прагматически важно. На наше убеждение, что p , влияет наша заинтересованность в последствиях того,

что мы имеем знание p . Ещё один пример [11]: вы припарковали автомобиль и знаете, что сделали это в соответствии с ПДД. Но если вам говорят, что в округе появился сотрудник парковочной службы, который выписывает штрафы за неправильно припаркованные автомобили, то разумно будет еще раз дополнительно проверить, как припаркован ваш автомобиль.

Суммируем тезис от прагматического вторжения с использованием понятия ставок в виде совокупности утверждений:

Имеется пропозиция p , которую мы знаем. В повседневных контекстах с низкими ставками мы достаточно уверены в p , чтобы действовать в соответствии с p .

Существует игра с высокими ставками относительно знания p , причем такая, что неразумно принимать столь высокую ставку.

Единственное различие между сценарием игры с высокими ставками и повседневными контекстами – это разница в фактах о вещах, которые имеют значение для нас, т. е. разница в ценности возможного результата доступных действий.

Ключевым является третье утверждение, благодаря которому можно понять, что эпистемические контексты с точки зрения импуризма определяются фактами о том, что небезразлично для субъекта. Указанные факты связывают в общую нормативную среду действие и субъекта, благодаря чему становится возможно знание. «Повышение» или «понижение» ставок – это процесс изменения ценности результата действия. Чем более ценен результат действия для субъекта, тем более высокие критерии к обоснованию он будет выдвигать. Таким образом, импуризм имеет дело с практической нормативностью, определяя ее через субъекта и среду. Нормативность в данном случае трактуется предельно широко: контекстуалисты не считают, что моральная или эстетическая ценность в данном случае может быть принципиально отличной от практической ценности результата действия. В целом, можно констатировать, что вопрос о нормативности не является существенным для контекстуализма. Тем не менее существует ряд доводов и примеров, которые могут опровергнуть традиционную позицию импуризма о практической нормативности. Прежде всего, это относится к моральной нормативности, которая, судя по всему, смещает эпистемические контексты иным способом, чем нормативность практическая.

Рассмотрим несколько измененный вариант одного из приведенных выше примеров, который упоминает американский философ Фритц [12]. Допустим, вы знаете, что ваш автомобиль припаркован в соответствии с ПДД. Как и в прошлом примере, появляется сотрудник парковочной службы. Но в случае обнаружения неправильно припаркованного автомобиля он не выписывает штраф, а убивает случайного прохожего. Интуитивно ясно, что в случае появления подобного парковочного служащего в вашем районе ставки возрастают, и вам следует еще раз дополнительно убедиться в правильности вашей парковки (как и в первой

разновидности примера). При этом второй пример отличается от первого тем, что ставка возрастает для субъекта лишь косвенно – здесь нет прямой угрозы для вас ни в виде смерти, ни даже в виде штрафа как в первом случае. Строго говоря, лично вам ничто не угрожает и кажется, что у вас нет особой необходимости дополнительно проверять правильность вашей парковки. Прагматические условия для вас не изменились, но изменились моральные условия. В данном случае ставки повышены именно в моральном, а не прагматическом отношении. Открытым остаются два следующих вопроса: а) является ли случай повышения моральных ставок разновидностью изменения прагматических условий; б) меняется ли в результате повышения моральных ставок именно эпистемический контекст или же что-то другое (например, наши сугубо моральные оценки, и, соответственно, мы имеем дело с этикой, а не эпистемологией).

Чтобы получить ответ на (а), произведем дальнейшую трансформацию нашего примера. Допустим, что мы имеем дело с субъектом, который заботится о правильности своей парковки исключительно исходя из приверженности правилам (и, соответственно, он постоянно стремится наиболее точно обосновать свое убеждение, что его автомобиль припаркован по правилам). При этом для данного субъекта жизни других людей не имеют значение. В случае появления сотрудника парковочной службы, не важно, выписывающего штрафы или убивающего случайных прохожих, данный субъект проверит правильность своей парковки исходя из приверженности правилам. В этой ситуации факты о том, что имеет для него значение, точно такие же, как факты о том, что имеет для него значение в обычном примере с низкими моральными ставками. Он не чувствителен к повышению моральных ставок. Тем не менее, несомненно, возникнет проблема, если он будет вести себя так, как будто его автомобиль припаркован на законных основаниях – допустим, оставаясь дома и не проверяя правильность своей парковки. Этот случай в эпистемическом (хотя и не моральном) отношении идентичен примеру Хоторна о выброшенном лотерейном билете. Получается, что апелляция к чисто прагматическому вмешательству не может объяснить этот случай так же, как она объясняет стандартные случаи игр с высокими ставками.

Теперь постараемся ответить на вопрос (б). Как мы должны оценивать субъекта, не чувствительного к изменению моральных ставок? Наиболее очевидным будет обвинение его в моральном изъяне. Например, мы можем говорить, что он не проверяет правильность парковки своего автомобиля перед лицом угрозы для посторонних людей из-за своего аморального характера. Тогда его конкретная бездеятельность будет свидетельствовать именно о его плохих качествах в моральном отношении. Но кроме исключительно моральных недостатков мы также можем обнаружить сугубо эпистемический изъян: убеждение субъекта в том, что автомобиль припаркован в соответствии с ПДД, не имеет достаточ-

ного обоснования. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим еще одну версию нашего примера. Особенность этого случая в том, что субъект, сохраняя свой аморальный характер, имеет произвольно сильное обоснование в пользу того, что его автомобиль правильно припаркован. Например, он стоит рядом со своим автомобилем, видит, что он припаркован законно, и даже слышит, как находящиеся тут же сотрудники парковочной службы говорят, что эта машина припаркована точно по правилам. В таком случае мы не можем сказать, что его знание необоснованно и обвинить его в эпистемической ошибке. При этом данный субъект сохранил все свои моральные качества – ему по-прежнему нет дела до жизней посторонних людей. Этот случай показывает, что, хотя мы имеем дело с моральными факторами, тем не менее, остаемся в пространстве эпистемического, а не этического. Если человек остается дома в своем мягком кресле, имея лишь смутное воспоминание о том, как он припарковал автомобиль, он не может морально оправдать свой поступок, апеллируя к своему убеждению, что машина припаркована по правилам. Разница между двумя этими случаями возникает в силу слабости эпистемического обоснования в раннем примере. В первоначальном случае апатичная уверенность автовладельца в том, что его автомобиль припаркован законно, недостаточно обоснована, чтобы морально оправдать его бездействие.

Таким образом, мы видим, что разъяснение механизма смещения эпистемических стандартов исключительно в терминах прагматического вторжения не вполне корректно. Для того чтобы учесть случаи влияния моральных факторов на знание, контекстуалистам необходимо объяснить разницу между прагматическим и моральным «вторжениями». Возможно, здесь может оказаться полезен инструментарий эпистемологии добродетелей, а также метаэтики.

Литература

1. *Касавин И. Т.* Контекстуализм как методологическая программа / И. Т. Карсавин // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2005. – № 4. – С. 5–17.
2. *DeRose K.* The Case for Contextualism. Knowledge, Skepticism, and Context / К. DeRose. – Oxford : Oxford University Press, 2009.
3. *Lewis D. K.* Index, context, and content / D. K. Lewis // *Philosophy and Grammar*. Reidel. – 1980. – P. 79–100.
4. *Каримов А. Р.* Контекстуализм, скептицизм, прагматика : в 2 ч. / А. Р. Каримов // *Грамота*. – 2013. – № 6 (32). – Ч. II. – С. 71–76.
5. *Unger P.* Philosophical Relativity / P. Unger. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1984.
6. *DeRose K.* Contextualism and knowledge attributions / К. DeRose // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 1992. – № 52 (4). – P. 913–929.
7. *Hawthorne J.* Knowledge and Lotteries / J. Howtrone. – Oxford : Oxford University Press, 2003.
8. *Stanley J.* Knowledge and Practical Interests / J. Stanely. – Oxford : Oxford University Press, 2005.

9. *Fantl J.* Evidence, Pragmatics, and Justification / J. Fantl, M. McGrath // *Philosophical Review*. – 2002. – № 111 (1). – P. 67–94.

10. *Hannon M.* A Solution to Knowledge's Threshold Problem / M. Hannon // *Philosophical Studies*. – 2017. – № 174 (3). – P. 607–629.

11. *Fantl J.* On Pragmatic Encroachment in Epistemology / J. Fantl, M. McGrath // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 2007. – № 75 (3). – P. 558–589.

12. *Fritz J.* Pragmatic Encroachment and Moral Encroachment / J. Fritz // *Pacific Philosophical Quarterly*. – 2017. – № 98 (51). – P. 643–661.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

*Хорт М. Г., аспирант, ассистент кафедры социальной философии
E-mail: mikhort@gmail.com*

Kazan (Volga region) Federal University

*Khort M. G., Post-graduate, Assistant of the Social Philosophy Department
E-mail: mikhort@gmail.com*